

БИОГРАФИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

... **В**ечером 4 августа 1999 года у меня проходила встреча с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе и президентом Абхазии Владиславом Ардзинбой. О многом удалось договориться, практически вышли на договор о конфедеративном устройстве Грузии. А значит — появился шанс решить «абхазский вопрос». Если бы мне дали еще недели две поработать премьер-министром — может, и не было бы российско-грузинской войны в 2008 году. Переговоры закончились, посидели, выпили по рюмке, Эдуард Амвросиевич говорит: «Первый раз выпиваем с Владиславом, спасибо Сергею». Гости ушли, а я еще задержался в кабинете. Мой рабочий день стандартно начинался часов в семь утра, а заканчивался ближе к часу ночи. Поздно вечером мне позвонил шеф президентского протокола Владимир Шевченко: «Ты когда с Ельциным разговаривал?» Отвечаю: «Позавчера». — «Позвони ему». — «А что случилось?» — «Позвони — там что-то происходит...» Утром звоню: «Борис Николаевич, отлично прошла встреча с Шеварднадзе и Ардзинбой. Хорошие перспективы». А Ельцин громкую связь не выключил и, слышу, кого-то ругает: «Вы что, ничего не сказали Степашины?» Потом раз — кнопку нажал. Ну я понял, готовит какой-то сюрприз.

Приезжаю, в приемной глава администрации президента Александр Волошин, директор ФСБ Владимир Путин, еще кто-то. Захожу вместе с Волошиным. Ельцин говорит: «Надо написать заявление об отставке». И добавляет как-то отрешенно: «Предлагаю вам пойти на ФСБ». Волошин аж вздрогнул: «Не в ФСБ, в Совет безопасности».

Говорю: «Борис Николаевич, а что случилось, какие претензии к моей работе? Мы с вами с 90-го года вместе работаем. Скажите мне прямо, какие есть замечания?» Он что-то невнятно буркнул. Тогда я прошу: «Борис Николаевич, давайте поговорим вдвоем. Ну, что тут этот сидит...» Помню, что в раздражении не назвал Волошина по имени. Ельцин кивнул ему: «Выйдите». Мы остались вдвоем, начали говорить спокойно.

Президент сказал, что недоволен моей позицией по «Газпрому». «Почему вы по "Газпрому" такие решения приняли? Не дали приватизировать?» Объясняю: «Газпром», слава богу, эффективно работающая компания, а у нас их не так уж много. Зачем все ломать? Мы с Черномырдиным посоветовались, он тоже так считает». Вдруг Ельцин говорит: «Черномырдин — наш враг». У меня глаза на лоб: как это, Черномырдин враг? Борис Николаевич как-то замял этот разговор, но слово «враг» у него вырвалось. Еще поговорили, и мне показалось, что я его в своей правоте убедил. Тогда он мне припомнил мэра Москвы Юрия Лужкова: «Почему вы Лужкова не посадили?» Говорю: «А почему я его должен сажать? Никаких оснований у меня для этого нет». — «Он рвется к власти». — «Подождите, за это не сажают». Поговорили и про Лужкова — вроде тоже друг друга поняли.

Разговор получился хороший, как в прежние времена. До моего премьерства мы были в очень близких отношениях. Я всегда знал, что могу с ним говорить откровенно и рассчитывать на его поддержку. Хотя никакого панибратства себе не позволял, всегда понимал, что нас связывает что-то большее, чем формальности. Однажды, когда мы с премьер-министром Евгением Примаковым были у Ельцина в Кремле, он попросил нас задержаться и выпить по рюмке. Неожиданно сказал: «Поклянитесь, что будете преданы мне до конца». Видимо, было не так много людей, кому он доверял.

И на этот раз он меня внимательно слушал, не обрывал, не раздражался. Потом встал и, ни слова не говоря, вышел. И я минут сорок сидел один в кабинете президента. Даже думал: сейчас пойду и напоследок сяду в президентское кресло. Появилась вдруг такая совершенно детская мысль — бывает же... Ну, естественно,

не стал этого делать. Встал, походил, посмотрел книжки, картины. Возвращается: «Я указ отменяю». И порвал. «Чего они только про вас не наговорили. Работайте, Сергей Вадимович. Я вам доверяю». Я говорю: «Борис Николаевич, у меня поездка сейчас планируется — мы проводим первое заседание военно-промышленной комиссии по авиации в Самаре. Полечу?» Он не возражал: «Да-да, пожалуйста, давайте». То есть работа вроде бы входила в нормальное русло.

Возвращаюсь в Белый дом и сразу — на заседание правительства, на полчаса опоздал, чего со мной никогда не бывало. И по лицам вижу: все ждут сообщения об отставке. Слухи быстро разлетаются. Говорю: «Меня срочно вызывал Борис Николаевич, обсуждали проблему долгов. Президент пожелал удачи правительству. Давайте по повестке дня». Все выдохнули.

И я полетел в Самару. Помимо военно-промышленной комиссии, было еще одно дело — поговорить с президентом Татарстана Минтимером Шаймиевым, самарским губернатором Борисом Титовым и ульяновским — Юрием Горячевым о том, чтобы они перестали заигрывать с Лужковым. Важные дела. Но, наверное, все равно не стоило мне лететь. Надо было потолкаться в кабинетах, прийти еще раз к Ельцину, посидеть, поговорить. Что называется, держать ситуацию под контролем. Но я как-то посчитал, что, если президент уже сказал «работайте», можно спокойно работать. Ошибся.

Провожу заседание военно-промышленной комиссии в Самаре. Звонит мне председатель Госсовета Дагестана Магомед Али Магомедов: «Сергей Вадимович, беда! Бандиты заходят в Дагестан». Немедленно связываюсь с начальником Генерального штаба Анатолием Квашниным. Он мне говорит: «Сергей Вадимович, что вы слушаете этого паникера? Все нормально, ситуация контролируется. Никого там нет...» Закончил дела в Самаре, перелетел в Казань. Снова звонит Магомедов: «Вошли!» Как вошли? Я опять к Квашнину — тот бормочет что-то невнятное. Связываюсь с Ельциным. «Борис Николаевич, я лечу в Дагестан. Ситуация чрезвычайно тяжелая, прошу полномочий». Он говорит: «Они у вас есть — летите».

Вызвал в Дагестан всех силовиков и сам полетел. Собрались на месте — все, кроме директора ФСБ. Я понял, что Путина задержали в Кремле — иначе бы он был. Но вдаваться в причины этого — некогда. Начали действовать. Дал команду военным лупануть по бандитам — а уже было известно, что это боевики Шамиля Басаева и Хаттаба. Мне Квашнин говорит: «Кто будет отвечать за боевые действия?» — «Я буду отвечать, премьер-министр Степашин. У меня есть полномочия от Ельцина». Ну и ударили по Ботлиху. Сразу же позвонил президенту Чечни Масхадову: «Аслан, ты должен выступить и сказать, что бандиты вошли к братскому дагестанскому народу. И еще, что это негодяи, к которым президент и правительство Чечни не имеют никакого отношения. Больше от тебя ничего не требуется, дальше мы сами с этими уродами разберемся». И разобрались. Но Масхадов ответил: «Я не могу». Это было предательство, которого я от него не ожидал.

До сих пор не понимаю, как бандиты прошли через то место в горах, которое мы называли «Ослиные уши». Там же стратегическое ущелье, где всегда были наши военные. Почему отсюда ушла десантно-штурмовая бригада? Почему бандиты без проблем добрались до сел — Чабанмахи и Карамахи? Почему им дали эту возможность? Почему Квашнин не располагал информацией об их продвижении? Вертолеты же все время летали — ничего не стоило засечь колонну. Где спецслужбы? Не исключаю, что был план специально затащить боевиков на территорию Дагестана и там им врезать. Но если и так, это было неоправданным риском.

9 августа я вернулся в Москву. Было часа три ночи, в аэропорту меня встретил председатель РАО ЕЭС Анатолий Чубайс. Отвел в сторонку: «Все, Сергей, я возвращаюсь руководителем администрации, ты идешь на президента. В 8 утра нас ждет Ельцин». Я приехал, побрился, принял душ. Сел в машину, отъехал уже, и вдруг звонок Волошина: «Сергей, Борис Николаевич приглашает в Горки». Звонок Волошина означал, что ситуация изменилась. Зашел к Ельцину, там уже сидели Путин, Волошин и мой первый заместитель Аксёненко. Ельцин протягивает мне указ и говорит: «Надо написать заявление об уходе». Отвечаю: «Писать ничего не буду. Ваше право — увольняйте». — «Ну завизируйте

хотя бы назначение Путина первым вице-премьером». Там же такая процедура, что до утверждения нового премьера Думой его обязанности должен исполнять первый зам. «По Путину завизирую, нет вопросов». На прощание Ельцин вдруг говорит: «Сергей Вадимович, мы с вами остаемся в одной команде». Я ему ответил: «Ни в какой другой команде я не состою. А с вами остаюсь — это факт». Я видел, что решение это далось ему нелегко. Он вообще тяжело отправлял людей в отставку и старался как-то смягчить удар.

Я пробыл председателем правительства России меньше трех месяцев. И все это время опровергал слухи о том, что Борис Ельцин видит во мне своего преемника. Был прав: его преемником стал другой человек. Почему не я? Думаю, что знаю ответ на этот вопрос.

ГОРОД ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

У большинства людей есть какие-то детские воспоминания, которые они проносят через всю жизнь. И не всегда понятно, почему одни события и люди стираются из памяти, а другие остаются в ней навсегда. Когда я начинал работать над этой книгой, я понял, что невозможно объяснить свою жизнь без каких-то эпизодов из детства и юности. Много в моем характере, а значит, и в жизни было предопределено тогда. Оттуда — главные ценности, представления о добре и зле, и я бы даже сказал — правила жизни. Это то, на что ты потом, во взрослой жизни, опираешься, когда принимаешь какие-то важные решения. Не размышляешь каждый раз над тем, что хорошо и что плохо, не выстраиваешь границу допустимого или приемлемого, а просто делаешь, что должно.

Именно поэтому мне хочется вернуться в свое детство и юность, чтобы не объяснять на каждой странице, почему я поступил так, а не иначе. И, конечно, главное здесь не обстоятельства, а люди, которые были рядом со мной. И прежде всего моя семья.

Спасибо сестре отца Раисе Дмитриевне Степашиной — благодаря ей я знаю своих предков со времен Смутного времени. Трудно представить, сколько времени она провела в церковных архивах, чтобы по крупицам восстановить нашу семейную историю. Благо эти архивы хорошо сохранились, по крайней мере, те из них, что не оказались во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях. Оказывается, еще до Смутного времени один из моих предков Михаил Тумаков жил в Москве, а уехал из нее после грандиозного пожара. Решил перебраться во Владимир, но до него не доехал, а обосновался в Варламовом починке, так

тогда назывался Юрьеvec, где, спустя сотни лет, в начале XX века и родился мой дед — Дмитрий Иванович Степашин. Мои предки были когда-то синодальными крестьянами, то есть при крепостном праве принадлежали церкви. С того времени в нашем роду и появилась фамилия Степашины. Со временем Степашины переехали в поселок при текстильной фабрике — Собинка, той же Владимирской губернии.

Удивительно, в семейных историях я нашел какие-то пересечения со своей собственной судьбой. Вот я сейчас возглавляю Императорское православное палестинское общество, а мои предки были, как я уже упоминал, синодальными крестьянами. Или еще любопытнее. Дед мой, Дмитрий Иванович Степашин, служил в пожарной охране НКВД, потом, в 1933 году, неизвестно по какой причине уволился и пошел работать инкассатором. А я после Лубянки, хотя и не сразу, оказался в Счетной палате, закончил Финансовую академию. Деда я не знал. Он погиб в 42-м в Калмыкии, когда шло наступление немцев на Сталинград. Десятки тысяч наших солдат так и остались под песком — до сих пор не откопали. Даже братской могилы нет — только стела одна на всех. Отец просил найти могилу деда. Я поехал, искал... Нет могилы. Уведомление о смерти бабушка получила в 1953 году, до этого даже пенсию за мужа не получала.

Бабушка моя по отцовской линии, Вера Семёновна, всю жизнь прожила в Собинке, там же на своем огороде и умерла в 1972 году. Воспитала четверых детей — сына и трех дочек. Все с высшим образованием. А у самой — три класса. Когда я учился в школе, мы с ней переписывались, и я, конечно, замечал, что пишет она не слишком грамотно. Но читала поразительно много. Дома у нее была прекрасная библиотека. Свою первую серьезную книгу на историческую тему я прочитал после пятого класса на летних каникулах у бабушки. Это был «Пётр Первый» Алексея Толстого.

По маминной линии предки были из шведов — Борги появились в России еще в допетровские времена. Шведская кровь постепенно смешалась с русской — род Боргов продолжили Филипповы, Соловьёвы, Новиковы. Новикова — девичья фамилия моей мамы, Людмилы Сергеевны.

Но все эти подробности я узнал уже взрослым человеком. А в детстве история семьи для меня начиналась и заканчивалась моими бабушками.

Особенно важным человеком для меня была моя петербургская бабушка, мамина мама — Мария Петровна Соловьёва. Я ее звал «Петровна».

Она всю жизнь проработала костюмером — сначала в Мариинском театре, потом в Александринке. Она 1895 года рождения, так что начинала работать еще при царе. И жизнь у нее при «проклятом царском режиме» складывалась совсем не плохо, о чем она мне много рассказывала. Говорила, что одевала Шаляпина и многих других известных актеров. Шила она замечательно, и сама всегда одевалась со вкусом. Бабушка прекрасно знала театр, музыку, литературу. Великолепно пела романсы, играла на семиструнной гитаре. Первый раз замуж вышла, когда ей было шестнадцать. Муж был унтер-офицер и погиб на Первой мировой. Сохранилась его фотография в форме. Второй муж, мой дед, — Сергей Новиков, в честь него меня и назвали. Он заведовал костюмерными мастерскими в Мариинском театре. У него, как и у бабушки, был прекрасный голос и слух. Человек он был незаурядный, с характером. Есть у нас такая семейная история. Как-то сидел дед в директорской ложе на опере «Князь Игорь», и в какой-то момент ему показалось, что исполнитель арии князя Игоря «не тянет». Ну он встал и сам запел «О дайте, дайте мне свободу». Его чуть из партии за это не исключили. Чудом обошлось. Видимо, спасло то, что он был редким профессионалом. Умер он довольно молодым от инфаркта — еще до войны. Маме было всего пять лет. Больше бабушка замуж не вышла.

Всю войну мама с бабушкой прожили в блокадном Ленинграде. Три года — на грани жизни и смерти. Зимой 42-го за буханку хлеба бабушка отдала единственную ценность в семье — старинные серьги с изумрудом и рубинами, доставшиеся ей по наследству. Маме было тогда 13 лет, она проснулась ночью и увидела, как бабушка потихоньку ест хлеб. Голод был такой, что она не смогла удержаться.

После войны бабушка еще долго работала в театре. Жила она в коммуналке у Пяти углов — так называют одно из самых красивых мест в центре Питера, хотя официально такой площади в городе нет. В этой квартире бабушка с мамой и пережили блокаду.

Папа, закончив школу в Собинке, поступил в военно-морское училище в Выборге. Когда заканчивал его, познакомился с мамой — она училась в медицинском училище. Встретились они в госпитале, где отец проходил медосмотр перед отъездом к месту службы после выпуска. Через несколько недель поженились. Расписали их очень быстро — отец должен был уезжать в Порт-Артур. Там с 1945 года по договоренности с Китаем находилась совместная военно-морская база двух стран. Моя матушка поехала к нему только через год — в 1950-м началась корейская война, пришлось ей задержаться в Ленинграде. Она рассказывала, что боялась не узнать отца и всю дорогу от Ленинграда до Владивостока смотрела на его фотографию. В это трудно поверить, но с другой стороны, встречались они совсем не долго, а не виделись больше года. Мама приехала к отцу в августе, Владивосток заливало, папа встречал маму под страшным ливнем, взял на руки, спрятал под черную офицерскую плащ-накидку, донес до машины. На следующее утро они уехали в Порт-Артур. Мама пошла работать в военно-морской госпиталь, где в марте 1952-го я и родился.

Пока отец оставался на флоте, мы мотались по Дальнему Востоку. После Порт-Артура был Владивосток, потом Хабаровск — отец служил на сторожевом корабле «Пингвин».

Из того времени, что мы жили в Китае, я мало что помню. Так, отдельные картинки. Например, фанзу, традиционный китайский дом в Порт-Артуре. Когда я уже работал в Счетной палате, меня пригласили в Люйшунь (бывший Порт-Артур), район города Далянь. Отвезли в военно-морской госпиталь и познакомили с двумя китаянками, которые принимали у мамы роды. Невероятно, но у них сохранились фотографии. Только один эпизод из нашей китайской жизни отпечатался в памяти очень подробно. Мне три с половиной года, мы с отцом купаемся в Желтом море, я сижу у него на спине, а он неожиданно ныряет, и я начинаю барахтаться,

чтобы удержаться на поверхности. Страх не помню, видимо, его не было, моря я никогда не боялся.

А Владивосток сохранился в памяти в деталях. Из разных мелочей хорошо вырисовывается обычная для советской офицерской семьи жизнь со всеми ее радостями и проблемами. Помню, как ездили с мамой в магазин за арбузом и разбили его по дороге. Видимо, нас это очень расстроило, раз на всю жизнь запомнилось. Помню, как мне купили трехколесный велосипед, и я осуществил свой первый и последний бизнес-проект: отдавал его в аренду за конфеты и сушки, которыми тут же угощал своих друзей во дворе. Помню, как встречали отца из похода, как бежал ему навстречу, залезал на руки, а однажды от избытка чувств с мясом вырвал пуговицу на его форменном кителе.

В нашем бараке жили в основном семьи морских офицеров, так что, когда корабль возвращался из похода, собирали там же, в бараке, общий стол, шумно и весело это событие отмечали. Я, конечно, не знал тогда, что место, где мы живем, называется барак, — считал, нормальный дом. А на самом деле, конечно, барак с длинным коридором и общим туалетом. Район, в котором мы жили, и сейчас называется Вторая речка. Я этот барак нашел, когда в 2000-х работал уже в Счетной палате и приехал во Владивосток в командировку. Там все еще жили люди, нашлась даже соседка, которая, как и китайки, сохранила старую фотографию нашей семьи — мама и папа на ней совсем молодые. Я тогда же дождал Сергея Дарькина, который был губернатором, и барак этот снесли, людям наконец дали нормальные квартиры. Потом выяснилось, что рядом стоит барак, в котором вырос будущий председатель Госдумы Борис Грызлов. У него, как и у меня, отец был морским офицером. Когда Борис узнал, что я свой барак снес, а его стоит, он тоже «наехал» на Дарькина: как не стыдно, один снесли, другой оставили. В результате снесли в этом месте все бараки, а людей переселили.

В конце пятидесятых Хрущёв затеял масштабное сокращение армии, и в 1958 году отца демобилизовали. Свою нелюбовь к Хрущёву он сохранил до конца жизни и передал мне. После демобилизации отца мы вернулись в Ленинград. Это была идея бабушки.